

Примечание переводчика: напоминаю, что это первая экстрэ электронной версии книги.

В двадцать третий год правления императора Чэнхуа произошло немало знаменательных событий.

Обитатели бедных кварталов, вынужденные целыми днями бороться за жизнь, даже не подозревали о недавних дворцовых потрясениях и несостоявшемся перевороте.

Все, что им было известно, так это то, что благородная наложница Вань скончалась, а император, пойдя наперекор чиновникам, решил даровать ей титул императрицы, однако затем вдруг передумал и притих.

Столичные обыватели, за исключением совсем уж невежественных, знали, что благородная наложница Вань была фавориткой Сына Неба.

Не думайте, что простому люду не пристало обсуждать семью Неба. Чем дальше от Двора, тем с большим удовольствием о ней судачили. Не потому ли история “Наследный принц, подмененный на бенгальскую кошку” превратилась в оперу, что пользовалась большой популярностью среди народа? Какая жалость, что императрица Сянь Минсу (Лю Э, 970–1033 гг.), выдающаяся женщина своего поколения, вдруг стала в ней ревнивой злодейкой, убившей императорскую наложницу и забравшую себе ее ребенка*.

Но откуда простому люду знать всю правду? Они не могли, да не особо-то и хотели докапываться до истины в деле вдовствующей императрицы Лю: сюжет легенды вышел интересным, так что и передавать из уст в уста ее было одно удовольствие.

Однако если “Наследный принц, подмененный на бенгальскую кошку” был лишь простой историей из оперы, то любовь Сына Неба и благородной наложницы Вань стала настоящей притчей во языцех того времени. Пожилые люди не забыли, как Сын Неба, ослепленный красотой госпожи Вань, с самого восшествия на престол, пылая гневом, поднимал шум в попытках сделать ту императрицей. И теперь, услышав, что Сын Неба из-за посмертного титула госпожи Вань даже вступил в перепалку с министрами, припомнили и эти случаи.

В годы правления императоров Хунъю и Юнлэ никто бы не посмел обсуждать дворцовые секреты, но времена сейчас были другие. Кто мог запретить людям сплетничать? Еще несколько десятилетий назад Императорская Стража с Восточной Оградой арестовывали за подобные разговоры, но теперь им было не до этого. Без неопровержимых доказательств в подстрекании к бунту контролировать пересуды было не легче, чем Небеса с Землей.

Хоть народ в большинстве своем был малограмотным, в том, что касается воображения, простые горожане ничуть не уступали ученым чиновникам. Связать громкое дело “Ночных визитов демона-лиса”, произошедшее в тринадцатом году правления императора Чэнхуа, с благородной наложницей Вань, сделав вывод, что та и была той самой лисой-демоницей, соблазнившей императора и заставившей того слушать каждое ее слово, оказалось для них раз плюнуть. И описывали сии события выдумщики столь красочно и живо, будто своими собственными глазами видели – и смех и грех.

Были и те, кто делали ставки на то, удастся ли императору наконец сделать госпожу Вань императрицей. Говорили, что ставки те достигали нескольких сотен таэлей: очевидно, участвовали в них инкогнито и некие высокопоставленные чиновники с дворянами. Другими

словами, дело это вызвало широкий общественный резонанс.

А во дворце тем временем происходили события, о которых простые люди и не догадывались.

После судьбоносного собрания Большого Двора император наконец прекратил поднимать вопрос о низложении наследного принца и посмертном титуле госпожи Вань. Казалось, он вдруг стал совершенно другим человеком: милосердным, добрым и решительным – истинным образцом мудрого правителя.

И это было настоящее чудо, ведь многие из придворных никогда прежде не видели, чтобы император показывался на заседаниях Двора больше пяти дней подряд: все давно привыкли к его многодневным отсутствиям, начавшимся с незапамятных времен.

Однако пожилые чиновники помнили, что, когда император только взшел на престол, подобное поведение для него было абсолютно нормальным. Двадцать три года назад, еще до того, как император похоронил своего отца, Хугуан, Сычуань и другие провинции страдали от бандитов и несли огромные убытки. Местные власти, устав от налетов, были вынуждены обратиться ко Двору за помощью, и император поручил Чжао Фу, Чжу Юну и другим подавить беспорядки. На усмирение всех бандитов потребовалось целых три года, после чего народ зажил в мире и покое. Именно за этот поступок нового императора и хвалили в те годы.

Более того, в отличие от прошлого императора, нынешний был весьма великодушен и милосерден. Он вернул своему дяде титул императора, а когда один из придворных принялся каяться перед ним в том, что не выступил против, когда император Цзинтай низложил Чэнхуа, бывшего в то время еще наследным принцем, тот успокоил его со словами: “Это уже в прошлом. В то время тебе, как подданному, не подобало вмешиваться в дела Двора, а потому все хорошо. Не стоит так переживать”.

Но, к сожалению, к середине правления Чэнхуа те, кто прежде возлагали на императора большие надежды, перестали видеть в нем решительного и сильного правителя. На место ему пришел слабый, ленивый и вялый Сын Неба, который с каждым годом творил все больше глупостей и в конце чуть было не совершил фатальную ошибку, пожелав низложить наследного принца.

Нынешнее преображение императора было чем-то невероятным.

Но возможны ли в этом мире подобные акты раскаяния и озарения?

С чего вдруг человек, что прежде лишь бездельничал и влачил бессмысленное существование, вернул себе прежнюю ловкость ума?

Придворные, что не знали всей правды, ликовали, надеясь, что “ненормальное” состояние императора продлится подольше, однако остальные, будучи в курсе ситуации, понимали, что конец императора не за горами. Не зря говорят, что на смертном одре слова человека идут от сердца: тот из последних сил старается исправить свои ошибки.

А вот сам император прекрасно понимал, что уже слишком поздно.

Прежде у него не возникало желания работать, а теперь, когда оно наконец появилось, время

было упущено.

Его здоровье день ото дня становилось все слабее. Даосские практики по самосовершенствованию не помогли императору сохранить жизнь.

Такова суть людей: сожаления охватывают их лишь к концу пути.

Император был не из тех, кто не способен здраво оценить собственные поступки.

И он понимал, что инцидент с Вань Туном – это его вина.

Если бы Вань Тун не знал, какое место занимает его сестра в сердце императора, он бы не осмелился на подобный поступок.

Но что толку теперь переживать об этом.

Госпожа Вань была мертва. Вань Тун тоже. Вань Ань сменил сторону, а Пэн Хуа, Ли Цзышэн и иже с ними были не более, чем мелкими сошками, летящими, куда ветер дунет. Их сил было недостаточно, чтобы на что-то повлиять. Пыль улеглась, а препятствия на пути наследного принца были наконец уничтожены и более не представляли для него угрозы.

В этом году императору исполнился лишь сорок один год – он едва достиг возраста зрелости.

В последнее время ему все чаще снился один сон.

Он был ребенком. Не императором, а только что низложенным наследным принцем, что сидел под домашним арестом глубоко во дворце. Весь его мир сводился к крохотной комнате и куску неба в окне, однако он совсем не чувствовал себя подавленным. Он был счастлив.

Потому что рядом с ним кое-кто был.

Вань Чжэнь-эр.

Вань Чжэнь-эр, которой едва ли исполнилось двадцать, была прекрасна как никогда. Перед очами императора до сих пор стояли ее белая мягкая кожа с молочным отливом и слегка круглое лицо с милой улыбкой.

Он всегда вспоминал ее во снах.

И теперь уже никогда не забудет.

Реальность была такова, что Вань Чжэнь-эр скончалась и больше не принадлежала этому миру.

И император знал, что это не к добру: скорее всего, он и сам скоро умрет.

— Ты обижен на нас? – спросил он наследного принца.

— Ваш сын никогда не обижался на отца-императора, – ответил тот.

— Почему? – удивился император. Он видел, что принц отвечал искренне, а не разыгрывал

перед ним представление.

И это вызвало у него некоторый интерес.

Потому что император и сам знал, что с наследным принцем он действительно перегнул палку.

— Обида ничего не изменит, – немного подумав, отвечал наследный принц. – Лишь принесет мне еще больше боли. Моя мать хотела, чтобы я был счастлив и ни на кого не держал зла. Она говорила, что ваш сын выжил благодаря доброте и помощи многих людей. Если бы я позабыл об их жертве и вместо этого думал лишь о плохом, я был бы подобен человеку, что видит не дальше своего носа и думает лишь о себе.

— Твоя мать... – император был несколько тронут. – Наложница Цзи сказала тебе это?

— Да. Моя мать говорила не превозноситься из-за успеха и не жалеть себя из-за неудач. Остальное – лишь домыслы вашего сына. Если в моих словах было что-то предосудительное, прошу у отца-императора прощения.

— В этом нет ничего предосудительного, – спустя некоторое время вздохнул император. – Наложница Цзи, она... Все правильно тебе говорила.

Лицо красивой и нежной придворной дамы из дворцовой библиотеки, становилось все четче в глубинах его памяти. Чертами наследный принц немного походил на нее, но у него не было ее густых черных волос.

Когда император только признал наследного принца, как своего сына, волосы того были слишком тонкими и редкими. Император слышал, что это из-за того, что наложницу Цзи заставили выпить средство для прерывания беременности. В то время он не испытал никаких эмоций по этому поводу, однако сейчас, глядя на умиротворенное лицо принца, император почему-то ощутил боль в сердце.

— Мы виноваты перед тобой... и наложницей Цзи, – он снова глубоко вздохнул. – Но наложница Цзи верно говорила. Поступки человека зависят от его ума и широты взглядов. Когда нас не станет, ты будешь Сыном Неба. Помни, окружай себя мудрыми подданными и сторонись негодяев. Не повторяй наших ошибок: не слушай бредней даосских демонов, вроде Ли Цзышэна с Цзи Сяо, и не трать деньги на строительство даосских храмов. Извлеки урок из наших промахов.

Он говорил так, будто слова эти были последними.

Наследный принц, в конце концов, был не святой и чувства к отцу испытывал противоречивые. Среди них не было ненависти, но некоторая обида в сердце все же жила. И стоило ему услышать подобные слова, как обида эта подняла бурю необъяснимых чувств в его душе:

— Отец-император...

— При Дворе сейчас настоящий бардак. Вань Тун, может, и мертв, но во фракции его еще немало тех, кто только и ждет подходящего случая, чтобы вернуть свои позиции. Научись разделять добро и зло, и не позволяй сладкой лести обмануть тебя.

— Ваш сын запомнит это.

— Лю Цзи из Кабинета Министров довольно неплох, но не вкладывает в дело душу. Если считаешь его полезным, оставь, а иначе – смени. Лю Цзянь по натуре не склонен к предрассудкам, не мстителен и великодушен, как и подобает министру. То же самое касается и Сюй Пу. Они еще пригодятся. И Тан Фань... – император чуть помолчал, переводя дух. – Тан Жуньцин талантлив и деятелен. Именно благодаря ему в этот раз катастрофы удалось избежать. Он вдумчив, умеет принимать верные решения и может быть очень полезен. Что касается твоего учителя Ли, Ли Дунъяна...

— Учитель Ли все еще в трауре по отцу, – ответил наследный принц.

— Верно, – кивнул император. – Когда его траур закончится, он может тебе пригодиться. Однако человек он ловкий, даже хитрый. Приглядывай за ним. Можешь для начала отправить его вести исторические записи, а там уж решишь, нужен он тебе или нет.

Это было очень странно.

Прежде чем уехать на похороны своего отца, Ли Дунъян занимал в Восточном дворце должность простого лектора, однако император запомнил его имя, а также сильные и слабые стороны.

Очевидно, что в глубине души император прекрасно видел, плохой перед ним человек или хороший, и был в состоянии сам делать выводы, но просто не хотел этим заниматься.

И именно эта мысль заставила наследного принца окончательно увериться в выборе верного пути.

Произнеся так много слов за раз, император устал и закрыл глаза, желая отдохнуть.

Заметив это, наследный принц собирался было уйти.

Но император вдруг снова открыл глаза:

— Принц, не держи обиду на благородную наложницу.

Наследный принц оказался застигнут врасплох.

Благородная наложница, о которой говорил император, вне всяких сомнений была недавно почившей благородной наложницей Вань.

Не успел принц ничего ответить, как его отец продолжил:

— Мы не станем делать ее императрицей, но надеемся, что она обретет покой. Принц сможет на это согласиться?

Мысленно вздохнув, наследный принц почтительно сложил руки:

— Ваш сын подчинится приказу.

А если бы и не согласился, то что? Она уже мертва. Не раскапывать же ее могилу, чтобы

избить труп кнутом!

Возможно, многим влиятельным людям и нравилось подобное. Они бы еще и весь клан Вань казнили, дабы утолить ненависть в сердце.

Но вернуло бы это к жизни его мать?

Услышав из его уст обещание, император, казалось, почувствовал облегчение. Выдохнув, он вновь погрузился в забытие.

Кто знает, возможно, в его сне была девушка с улыбкой, подобной цветку, что с нежностью приговаривала, ласково глядя его по голове:

— Не убегай далеко, иначе я не смогу тебя отыскать.

Но то была не наследного принца забота.

Тихо вздохнув, он развернулся и вышел из отцовской спальни.

Царившая в комнате темнота исчезла у него за спиной. Солнечный свет струился по плечам, такой же теплый, как слова, что когда-то шептала ему на ухо матушка.

О состоявшемся между отцом и сыном разговоре посторонним было неизвестно, однако возрастающая изо дня в день слабость императора ни для кого не была секретом. Многие слышали, как он причитал о том, что раз благородная наложница Вань мертва, то и ему недолго осталось. Гражданские чиновники не поддерживали его в этом сентиментальном восхвалении и возвеличивании любви к ней, а лишь радовались, что император наконец перестал страдать ерундой и занялся делом.

Члены Кабинета Министров тем временем из страха, что убитый горем император выкинет какую-нибудь глупость, воспользовались тем, что тот болен и не покидает постели, и пригласили наследного принца войти в Кабинет, дабы понаблюдать за работой министров и поучаствовать в принятии важных государственных решений. Император на это согласился.

Молодого и сообразительного наследного принца, пусть тот и был еще подростком, приняли с большим радушием, чем самого императора. Каждый раз, когда Кабинет принимал какое-то решение, принц не лез с необдуманными советами, а соображения свои высказывал, лишь когда мнения разделялись и возникал спор. Еще большей похвалы было достойно то, что каждый раз, когда происходило нечто важное, требующее его присутствия или одобрения, он без промедлений являлся в Кабинет Министров, чем бы ни был занят.

Столь нежный и добродетельный наследный принц был отрадой для любого чиновника.

Как раз в то время, когда все были заняты тем, что разгребали оставленный после фракции Ваней беспорядок, в год красной огненной овцы, двадцать третий год правления Чэнхуа, состоялся императорский экзамен.

И Лу Линси принял в нем участие.

Он родился в большой и влиятельной семье потомственных чиновников, но изначально не хотел идти по пути императорских экзаменов, в глубине души тоскуя по беззаботной и свободной жизни странствующих воинов-цзянху династий Хань и Тан. А потому и отправился изучать боевые искусства в монастырь Шаолинь, а после, сдав один из экзаменов и получив звание ученого, отправился путешествовать по стране.

Но все изменилось после того, как он повстречал Тан Фаня.

Лу Линси обнаружил, что, на самом деле, люди сходят с ума от богатства и славы не потому, что становятся чиновниками, а потому, что сердца и разум их ограничены – таким никогда не стать по-настоящему свободными.

Разум Тан Фаня был столь же возвышен, как у небожителя, а потому, вне зависимости от того, при Дворе он был или вдали от него, пребывал во славе или в горести, люди вокруг никогда не чувствовали себя смущенно или некомфортно из-за него.

Если бы Лу Линси попросили описать его, на ум бы тому пришли следующие строки:

“Милый сердцу подобен нефриту. Идет, стремясь обрести покой. Остановился – любит
бескрайней небес синевою.

Тянется дух к простоте безудержной, легкой, затейной. Как лунный восход, как воздух
осенний” (Сыкун Ту “Двадцать четыре стиха”, стих шестнадцатый).

Вообще-то строки эти относились к поэзии, но уж очень подходили для описания Тан Фаня.

За то время, пока они вдвоем расследовали дело Сучжоу, а Тан Фань разрабатывал стратегию и прорывал оборону противника, отношение к нему у Лу Линси переросло из обычной привязанности в сложную гамму чувств, включая преклонение, обожание и так далее в том же духе.

Но этого было недостаточно. Он был простым ученым и никак не мог приблизиться к Тан Фаню. Лу Линси думал, что даже если придет с визитом в дом Тан, то выставит себя лишь как надоедливую прилипалу.

Да и вообще, если тебе кто-то нравится, ты должен приложить все усилия, чтобы найти способ стать ему полезным и незаменимым – только так он заметит твое существование.

И Лу Линси принял решение сделать все возможное, чтобы догнать Тан Фаня. Мало просто быть с ним на равных – нужно заставить его осознать значимость Лу Линси и выделиться среди толпы его друзей.

А если получится, и...

Лу Линси, хоть и запрещал себе о таком думать, от одной мысли ощутил сладость в сердце.

На том и порешив, Лу Линси отказался от своей мечты о дальних странствиях и, сосредоточившись на подготовке к императорскому экзамену, занял на нем шестнадцатое место во втором ранге.

Место это было не столь заманчивым, как первое или второе, но все равно оставалось довольно высоким.

Лу Линси успешно поступил в Императорскую Академию, получил в ней должность и таким образом смог обосноваться в столице.

Все это заставляло Лу Линси чувствовать себя счастливым, однако кое-что его счастье все же омрачало.

Счастье ему доставляло то, что он наконец мог каждый день видеть Тан Фаня. Тот, естественно, Лу Линси не забыл и был очень ему рад. Даже пару раз пригласил отужинать. Казалось, они вернулись в то время, когда вместе расследовали дело в Сучжоу.

А расстраивало его то, что каждый раз, когда ему выпадал шанс побыть с Тан Фанем наедине, их все время кто-то беспокоил. Чаще всего это был Суй Чжоу, командующий Императорской Стражи, живший по соседству с Тан Фанем.

“Какой неприятный тип”, – думал Лу Линси.

Но свое недовольство высказывать не спешил.

Поскольку обнаружил, что Тан Фаня с Суй Чжоу связывала крепкая дружба. Если бы он прогнал Суй Чжоу, Тан Фаню бы это не понравилось.

А Лу Линси не хотел делать ничего, что могло расстроить брата Тана.

Случилось так, что дел в Кабинете оказалось невпроворот: Вань Ань, Пэн Хуа и Инь Чжи сидели под домашним арестом из-за дела Вань Туна, так что, несмотря на возвращение Тан Фаня, работали в Кабинете лишь четыре человека. И заняты они были так, что наняли группу ученых из Императорской Академии себе в помощь.

Естественно, эти люди не могли войти в Кабинет в качестве императорских советников или министров. Их, в лучшем случае, можно было рассматривать лишь как секретарей старейшин. Они должны были помочь членам Кабинета Министров с сортировкой документов, оказать им всяческую поддержку и перенять на себя часть их нагрузки.

Иметь возможность наблюдать за работой Кабинета Министров и тесно взаимодействовать со старейшинами было, хоть и тяжело, но все же престижно, так что попасть на эту должность могли лишь те, кто прошли отборочные испытания.

Лу Линси очень хотел оказаться в числе этих счастливицев, но не стал полагаться на связи с Тан Фанем, не желая чувствовать себя неудачником.

Парнем он был неглупым, так что в конце концов сумел заполучить столь желанное место.

“Брат Тан, я иду!” – довольно подумал Лу Линси в ночь перед входом в Кабинет Министров, а затем перевернулся на бок и отправился в страну грез.

Завтра утром он планировал преподнести Тан Фаню приятный сюрприз.

Послесловие автора:

Экстры будут идти не в хронологическом порядке. Я буду писать то, что в голову придет. В более свободной форме. Каждый найдет в них что-нибудь по душе.

Ожидается:

1. Лу Линси. Соперник в любви.
2. Повседневная жизнь господина Тана.
3. Безграничные амбиции командующего Вана.
4. Отношения с маленьким наследным принцем Чжу Хоучжао.
5. Судьба зятя.

И т.д...

Примечания переводчика:

* - по поводу императрицы Лю Э (Чжансянь Минсу). Там вообще забавная история вышла. На русскоязычных сайтах я про нее ничего не нашла, на англ. тоже не особо много. Все это показалось мне уж больно интересны, поэтому расскажу, что и как.

Дело было во времена династии Сун. Лю Э была женой императора Чжэньцзуна. Происхождением похвастать не могла, детей своих не имела, но зато обладала острым умом, и император, пока болел, доверял ей вести все государственные дела, а также, преодолев противостояния чиновников, сделал ее императрицей.

После его смерти на престол взошел император Жэньцзун, а регентом его император Чжэньцзун перед смертью официально назначил Лю Э. Однако та до самой своей кончины власть новому императору так и не отдала. Причем правила она хорошо, и вошла в историю Китая как чуть ли не единственная крутая, справедливая и мудрая правительница (две другие женщины-императоры считаются тиранками). Она носила императорские одежды, обращались к ней как к императору, а еще она даже свой род в императорскую родословную включила.

Родила Жэньцзуна, на самом деле, наложница Ли, но он об этом не знал и считал Лю Э своей матерью. Та воспитывала его вместе с другой наложницей своего мужа, госпожой Ян. Такая у них веселая женская дружба вышла, что после своей смерти Лю Э завещала даровать титул вдовствующей императрицы и право регентства над уже взрослым императором госпоже Ян) Тот, правда, отказался сделать Ян регентшей, но титул вдовствующей императрицы ей все-таки дал.

После смерти Лю Э Жэньцзуну рассказали, что мать его, на самом деле, не Лю Э, а наложница Ли. Жэньцзун разгневался и понизил в должности всех родственников Лю Э и велел оцепить их дома.

А вот дальше везде все по-разному.

В упомянутой опере “Наследный принц, подмененный на бенгальскую кошку” говорится, что Лю Э, когда Жэньцзун родился, приказала подложить вместо мальчика освежеванную бенгальскую кошку, мол, наложница родила “неведому зверюшку”, а самого ребенка убить, но служанка подкинула его восьмому принцу, и Лю Э его, сама не зная, кто это, усыновила. Наложницу Ли отправили в холодный дворец, а потом знаменитый легендарный полумифический судья Бао Чжэн (Бао-гун) дело раскрыл, Лю Э покончила с собой, а госпожу Ли вернули во дворец и сделали вдовствующей императрицей.

Но правды в этом мало. На самом деле, Бао Чжэн вообще не имел к этому никакого отношения.

Своей родной матери Жэньцзун, как гласят англ. источники (на байду об этом ни слова), даровал титул императрицы посмертно.

А вот что написано на байду: вскрыв гроб своей родной матери, Жэньцзун увидел, что похоронили ту со всеми почестями, и признаков насильственной смерти не было. Раскаившись в своих подозрениях, он просил прощения у гроба Лю Э, похоронил ее со всеми почестями и даровал посмертный титул императрицы из 4 иероглифов, хотя раньше было принято из 2. А также издал указ, запрещающий очернять ее имя.

Короче, дело о смерти своей родной матери он замял. И узнать правду не представляется возможным. Лю Э отняла сына наложницы и воспитывала, как своего. Добровольно ли, обманом или добровольно-принудительно – неизвестно. Впрочем, как и то, убила ее она или та умерла сама.

Под “сложной гаммой чувств, включая преклонение, обожание и так далее в том же духе” автор, видимо, имеет в виду непреодолимое желание пошло и бесцеремонно полапать господина Тана за пояс -.-

Как хорошо, что это была последняя большая экстрa. Надеюсь, впредь я не буду тратить на перевод все выходные и смогу немного пожить.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3836934>